

Анна Величко

*Дневник
бороздящей
ад*

Анна Евгеньевна Величко

Дневник бороздящей ад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067536

ISBN 9785449005809

Аннотация

Мир погиб, и я совершенно не знаю, что мне с этим делать. Я одна, и этот путь по руинам бесконечен. Но с другой стороны все может и измениться, и, быть может, счастье окажется в чем-то ином? В чем-то совершенно нематериальном?

Содержание

Пролог	5
Глава I	24
Глава II	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дневник бороздящей ад

Анна Евгеньевна Величко

© Анна Евгеньевна Величко, 2018

ISBN 978-5-4490-0580-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Весы говорят мне, что при моем росте тридцать килограммов веса – посмешище, простое посмешище, не более. Весы многое мне говорят на самом деле. Они говорят, что стоит обратиться к врачам... стоит ждать помощи... Но у меня кровь идет изо рта, и легкие сворачиваются в трубочку. Да и выворачивает меня... Кровью. И звать на помощь уже... поздно. Если бы еще были в этом мире сейчас те, кого можно было бы позвать... Если бы они просто были, существовали...

Красная стрелка дернулась, поползла от цифры «тридцать» влево, когда я небольшим шагом отступила назад, чувствуя смену холодного пластика весов на теплоту пушистого напольного покрытия.

Комната вокруг мерцала и пульсировала, расширялась и уменьшалась, разве что не хрустела стенами, но и до этого, казалось, было недалеко. Зеленые обои в белый цветок, полосатый зеленый диван и коричневый палас смешивались друг с другом, порождая странную картину, а широкое окно, занавешенное желтоватыми шторами, и вовсе вызывало тошноту.

Я, отступив уже от весов, опустилась на край стоявшего в самом углу кресла, но соскользнула с него и почувствовала копчиком бетон, скрывавшийся под напольным покрытием.

Дрожь пробежалась по моему позвоночнику вкупе с тупой болью.

Все хорошо... Все хорошо... Это не страшно...

Жмуря глаза, я оперлась о руки и поднялась, придерживаясь за край сидения. Колени мои дрожали, а ноги подкашивались, когда я с трудом села обратно в кресло, закатав край левой штанины, обнажив кости, что сплетались под кожей с венами и остатками мышц в странные узоры плоти.

– Все нормально... – ударом ладони на моей лодыжке отпечатался темный синяк, который расплылся на коже пятном порванных сосудов. Стало еще большее, тошнота подкатила к горлу, и я кашлем выпустила из своих легких мокроту с кровью, согнувшись и схватившись за взорвавшийся тупым нытьем живот.

Ни черта не нормально... Но соберись, соберись! Запиши в тетрадь... Запиши! Надо все записать! Не забыть бы...

Тридцать... Тридцать килограммов костей и мяса еще способны двигаться, думать, писать... Рассуждать! Они на это способны... Способны!

Черная ручка быстро-быстро зачиркала по бумаге. Я выводила своей дрожащей рукой буквы, то и дело вытирая глаза от слез, которые все равно продолжали прибывать. Слово следовало за словом. Строка бежала за строкой. Тетрадный лист в клеточку витал передо мной в тумане боли, вспыхивая черной гелевой пастой, словно пулевыми ранениями.

«Сегодня шестое мая. Мой вес равен тридцати килограм-

мам. Это чуть меньше, чем вчера. Рост не изменился, конечно же. Еды почти не осталось... консервы я открыть не в состоянии, а электричество покинуло мой дом уже как несколько дней.

Синяков у меня все больше, а сил что-то делать – все меньше. Но я не сдаюсь, нет... Я стойко сижу на месте, проверяю свое здоровье и... давлюсь таблетками.

Вообще, это все очень интересно... Вся эта история... Но я уже приводила ее на прошлых страницах. Кажется, не единожды».

Писать расхотелось, да и сказано было уже все возможное. Я отложила ручку, а тетрадь легла обратно, она оказалась на краю кресла простой кучкой клетчатых листьев в зеленой обложке, исчерченной линиями белых, красных, и черных ниток, шедших вдоль ее корешка.

Короткого взгляда по сторонам мне хватило, чтобы понять, что комната не меняется, но вот мои глаза начинают давать ощутимый сбой. Медленно проведя ладонью по воздуху, я в этом убедилась окончательно. Все рябило и блестело, перемешивалось друг с другом, будто моя рука скользила по мутной воде.

Стены в белый цветочек были грязными и какими-то... монохромными. Они выцветали и наливались красками попеременно, представляя из себя ту еще картину.

Это было гадкое зрелище собственного безумия.

– Мне все хуже... Какая боль... – невольно сжав кисть

в кулак, я услышала тихий хруст в ней. Суставы трещали и зудели под кожей, кости делали то же самое. Все болело и ныло. А я слушала это и сидела на краю кресла, не в силах встать. И вокруг меня разворачивалась картина спокойствия – моя же комната в несколько квадратных метров площади.

Здесь теперь так тихо, так... Спокойно. Где все? Где все? Почему так... пусто? И колени болят... Колени ноют... Не могу так больше... Не могу!

Мои руки дрогнули, и я ухватилась ими за свои лодыжки, принявшись глотать воздух, что смешивался в моем желудке с натянувшейся нитью пустотой и желудочным соком вперемешку с остатками макарон, которые...

Которые я сгрызла сухими. Смешно. Хах... Электричества ведь нет. Ничего нет. Нет ни горячих бутербродов, ни яичницы, ни жареных баклажанов, ни...

Я пустилась в мысленные пищевые рассуждения, слыша слабую пульсацию своего сердца и ощущая ток крови в собственной голове. Голод давил на мое горло едкой сухостью и постоянным выделением слюны.

В порыве бессильной ярости схватившись за край тетради, я пролистнула несколько страниц в обратном направлении, наткнувшись на выкрашенный черным уголок. Это была особая запись, яркое впечатление.

«Заразилась... определенно, это так. Воздушно-капельный путь передачи, понижение температуры, кашель... Ка-

шель. Сердце стучит, но пусть и не ждет больницы. Если я туда сунусь, то домой не вернусь. Какая разница, чем и где болеть, если на дворе настоящий апокалипсис? И нас всех пытаются напугать им, но при этом не говорят ни слова... Ни единого слова.

Телевизор мне врет, да... А кто скажет мне правду сейчас? О том, что это все – не простуда, например? Что я могу сказать людям сама? Что я скажу соседям... Впрочем, у них дела не лучше моих, только я их почему-то больше не слышу. Хотя...

Я знаю, почему я их не слышу. Только мне это не нравится. То, что с ними случилось, вещь очевидная. Все вокруг меня сейчас вымирает. И они – не исключение, и я не удивлена. Они не были лучшими людьми. Хотя и худшими их назвать тяжело.

Но они не шумят сейчас. Они беззвучны. Смотря в глазок, я вижу их спящими по лестничной клетке. Редкостная деловитость. На меня им все равно. Да и друг на друга тоже. Любовь после смерти? Вздор. Они были хорошей парочкой, но уже позавтракали своей собакой, да и друг другом тоже.

Я стану такой же? Время подумать и принять это как факт есть. Покидать свой дом смысла я не вижу».

Все мои слова тогда были бредом сумасшедшей. Но каким бредом...

Нет смысла покидать дом? Он есть, есть! Если я не покину это чертово гнездо – я умру в нем! Умру... совсем умру!

Какая же я была... Какая же!

Но что представляли из себя сейчас мои слова? Что сейчас говорили мне же мои мысли, перебивая друг друга?

Все то же самое, что и до этого, но с налетом серьезности. Я же... так много поняла, стоя на весах каждый день. Каждый день. Как это – соскользнуть с пятидесяти килограммов на границу тридцати за неделю? Я знаю, как это...

Это – рвота с кровью, это — трясущиеся конечности, это – шепотки и замершие за дверью люди, что пытаются понять, что находится здесь, в квартире, и что шумит так странно и громко? Вся моя жизнь сейчас – весы и таблетки снотворного с обезболивающим вприкуску.

Мне горько, солоновато и при этом – сладко.

Вода из-под крана уже не ручеек, а слабая струя, которую хочется перебирать пальцами, словно гитарную струну. Чистить зубы под ней невыносимо, но я это делаю, когда вспоминаю о гигиене и выбираюсь из кресла, и достигаю ванной, на цыпочках вышагивая по скользкому линолеуму.

Серый кран поражает своим могильным холодом. Вода из него течет ледяная и немного грязная.

У меня есть паста, есть зубная щетка, это все, что мне нужно для счастья сегодня, но с моих десен течет розоватая кровь, наполняя солью мой рот, и это совсем не весело, и от этого хочется плакать. Но я терплю, ведь как иначе?

Вертикальная трещина раскалывает зеркало в ванной надвое, и я вижу в месте раскола свое двойное отражение, ко-

гда пытаюсь забыть о пульсирующей боли во рту.

Нечто скрюченное, тощее, хрупкое, прозрачное смотрит само на себя, давясь зубной пастой, которой наполняет собственный рот, будто в попытке отравиться. У этого «нечто» белая, почти невидимая кожа и трясущиеся руки. Оно похоже на... не важно, на что похоже.

Но от вида этого «чего-то» точно начинает тошнить.

– Неплохо выглядишь... – проводя рукой по своим блеклым волосам, я молюсь, чтобы они не начали лезть клочьями.

Не лезут. До сих пор не лезут... Удивительно... Просто удивительно...

И светлые, почти прозрачные пряди едва чувствуются кожей.

Слюна вперемешку с кровью и пастой летит в раковину, смывается водой. На моих бледных щеках ни следа румянца, только меловая белизна. Скулы торчат, мешки под глазами темнеют провалами. Печальное зрелище, вот только жалеть себя у меня нет никакого желания.

Труп. Просто труп. Труп смотрит на самого себя, и считает, что выглядит сносно. И радуется, гремя костями... Жуть.

Опираясь о хлипкую стену рукой, я покинула ванную и тут же скользнула на пол, прильнув к входной двери ухом, мысленно поклявшись, что слышала какой-то звук. Но нет. Не было никакого шума. Ничего не было. Мне так казалось.

Я жмурила глаза, напрягала слух, но не различала ничего, кроме тишины и собственного пульса.

Поднявшись с пола, я щелкнула замком, затаив дыхание.

Раз.

Два.

Три.

Я давно уже потеряла всякий страх.

Я все уже давно потеряла.

В небольшую щель между дверью и стеной виднелось темно-бурое пятно, и, заметив его, я даже пожалела, что глазок кто-то заляпал так, что самой лестничной клетки через него не было видно вовсе.

Надо было идти... Надо было покинуть это место.

В который раз я стою здесь... И считаю до трех... И знаю, что мне нужно уходить. Но мне некуда идти... Некуда. Никого нет, не к кому идти... Не к кому... Город вымер, а я стою здесь и думаю, думаю... И не могу понять, что мне нужно...

Нет!

Тонкие белые пальцы мягко прильнули к двери, обхватив ее в области стыка со стеной и с хрустом потянув на себя. Хлипкая деревяшка легко поддавалась давлению неведомой силы, но я не отпустила ее и дернула ручку на себя, вцепившись в нее мертвой хваткой, обессилено осев на пол и щелкнув щеколдой.

Часто, словно зверь, нечто задышало с той стороны, за-

стучав, заклацав чем-то.

Зубами?..

Дверная ручка заходила вверх-вниз, резко и прерывисто дергаясь, то и дело издавая странные звуки и начиная трястись.

Я отползла назад, чувствуя ледяные руки страха на горле и панику где-то на уровне желудка. Сердце болезненно ударилось о грудную клетку, после чего замерло там же. Ручка все дергалась и дергалась, а спустя мгновение тихий, зловещий стон разорвал тишину окончательно, и мое сознание ушло, сменившись едкой тьмой, из которой не было выхода.

Проснулась я тут же. Что характерно – там же, где до этого впала в беспамятство. Даже неведомый противник за дверью...

А такой ли неведомый?

...Не успел еще уняться, и ручка продолжала дергаться, издавая тихий, робкий скрежет.

Оно там надолго... Надолго. Предлагаю отложить переезд.

Предложение одобрено... Мной.

Ладонь сама взметнулась ко лбу и царапнула ногтями полупрозрачную кожу на моем лице. Ноги самостоятельно понесли тело на кухню, где новая струя воды наполнила собою синий стакан и плавно утекла по пересохшему горлу в пустой желудок, наполнив всю меня могильным холодом.

– Так уже лучше... – потрянув головой и поставив стакан,

после чего заметив свое отражение в окне, я послала ему слабую, вымученную улыбку и замерла перед тумбой, опираясь на свои руки, в серединах которых кривыми узлами выделялись острые локти.

Ассоциация собственной внешности возникла в разуме невольюно.

Рыба... Посмотри на себя... Посмотри!

Ничтожество в пижаме.

– Нет... Мне, все же, явно не лучше... – оторвавшись от собственных мыслей, я отвернулась и от тумбы, и от окна и наградила своим не самым разумным взглядом невысокий холодильник, что белоснежным гробом привалился к стене, покачивая приоткрытыми дверцами.

Из него страшно несло тухлятиной, но хоть что-то сделать с этим у меня не было ни сил, ни времени.

Ничего у меня не было.

Меня вновь качнуло, и потолок поплыл коричневыми пятнами-плитками, когда мой копчик ударом встретился с грязным линолеумом.

Руки веревками лежали на полу, я неплохо приложилась затылком о ручку тумбы, что так удачно оказалась именно в этом месте. Ноги попали под стол и остались наполовину там, временами подергиваясь в коленях.

Слабость... Это все она. Это она убивает меня, это она... Но в чем она виновата? Ее причина – то, что затесалось у меня под кожей. Причина всего моего вида – болезнь.

Не ОРВИ или ОРЗ. И точно не грипп. Кто так болеет гриппом? Кто?..

Дверная ручка упорно щелкала в коридоре.

Я оперлась на руки и смогла подняться, хотя пол манил меня своей твердостью и своим неземным холодом. Дверца холодильника медленно качнулась, когда я коснулась ее, на мгновение замерев. Спустя еще секунду я открыла этот белый гроб полностью, своими глазами увидев мрачный налет плесени на немногочисленных остатках овощей, под которыми растекались мерзкие лужицы какой-то слизи.

Никаких яиц нет, конечно же. Ничего... С другой стороны... что я хотела там увидеть? Что я могла там увидеть? Что я надеялась найти? Овощи? Гниль. Кашу? Тухлятина. Что-нибудь молочное? Заглядывать опасно для жизни.

Каждый день заглядываю. И как в этом бреду, именуемом жизнью, не запомнить, что холодильник всегда пуст? Я себя удивляю...

Слова с хрустом покидали разум, когда дверца оказалась захлопнута окончательно и прекратила покачиваться, а я миновала дверной проем с дергающейся ручкой и, вновь оказавшись в своей комнате, опустилась в кресло, замерев на нем обездвиженной куклой, склонив голову и пытаясь лишний раз не думать.

Тетрадь была на самом краю сидения. Она манила своими сшитыми красными и черными нитками страницами. Она

была изорвана вдоль и поперек и испачкана всем, чем только можно было испачкать бумагу, хотя еще ни разу не покидала четыре стены моей квартиры.

Обложка зеленела надписью «Дневник», которую я еще давно вывела настоящими чернилами и перьевой ручкой.

Прижав этот ворох перешитых листьев к груди, я почувствовала себя совершенно спокойной, совершенно живой, но при этом – страшно одинокой. Только мятая бумага сейчас хранила все мои тайны, все мои глупые секреты. Мертвая тетрадка в клетку знала больше, чем весь мир.

Она хранила в себе записи больной девушки, попавшей в непростую ситуацию, в застывшее между жизнью и смертью положение, в просто ужасный водоворот событий.

Я не подходила к окну уже несколько дней, хотя знала, что это можно делать. Меня было некому видеть. Впрочем, некому было и думать обо мне. И никто бы меня уже не смог заметить.

В ответ могу напомнить себе, что смотреть там тоже решительно не на кого. Ничего интересного в пустых улицах я не вижу, как не вижу ничего интересного и в тех, кто временами бродит по ним, но не это самое плохое...

Ужаснее всего то, что я не знаю, почему я осталась такой, и какая у всех этих... «людей» будет реакция на мою не самую здоровую персону.

– Тридцать килограммов... – неожиданно для самой себя завела я свою обреченную шарманку, и вихрем фраз из меня

вылилось отчаяние, превращаясь в непонятные слова и едкий кашель. – Что же я делать буду... Что же... – склонив голову, прижав к себе несчастный дневник, я чувствовала себя полным ничтожеством, но при этом ощущение защищенности не покидало меня.

– Что мне с этим всем делать? – новый вопрос покинул мое горло, и я захлебнулась хриплым кашлем, что раздирал мое горло ножом.

Пора решаться, конечно же. Жить или гнить здесь дальше, как та дрянь в холодильнике. И могу поспорить, что существовать – все же лучший вариант.

Нож удачно лег прямо на дно рюкзака. Кухонный, острый, блестящий.

Он бесполезен! Им только вены резать... Себе. От безысходности... Как же я к этому в последнее время близка...

Хватит!

На нож сверху упали и навалились банки с кукурузой, моими любимыми ананасами, зеленым горошком и белой фасолью. Еще выше легла одежда. Новым слоем пошел фотоальбом, потом – тетрадь, разлучиться с которой я себе позволить просто не могла. Завершающим штрихом легла аптечка, а на мои плечи навалился совершенно новый груз в виде целого рюкзака, груженого всякой снедью и вещами.

«Новый виток событий шестого мая начнет свой ход. У меня нет имени. У меня нет совершенно ничего, кроме того, что я не могу открыть... Глухая ситуация. Но у меня

есть дневник, а знание – это на самом деле великая сила... Как и память, и что лучше – настоящий вопрос...

Я пишу это не потому, что мне действительно хочется чем-то занять себя. Мне просто нужно что-то делать, что-то предпринимать. Время идет, и этому помешать я не могу, хотя хотелось бы сделать так, чтобы все изменилось.

Время идет, а это значит, что зараза, проникшая в мое тело, уничтожает меня изнутри, делает меня монстром... Или нет, я еще не уверена во всем этом, но одно я знаю совершенно точно – пройдет максимум неделя – и без этой тетради я уже не смогу назвать дату.

Возможно, кто-нибудь когда-нибудь прочтет это. Не ругаюсь, что доживу... Грустно-то как... Что доживу до конца всего того, что планирую пережить. Как бы тавтологично и печально это ни звучало.

Впрочем, загадывать наперед я не буду. У меня вся жизнь еще – чистый лист, и, пускай эти строки столь сухи и безжизненны, я уверена, мое настроение прекрасно передается.

Болезнь... Слишком просто

Вирус... Он уничтожил все, что меня окружало, он уничтожил всех, кто меня окружали, но при этом ничто не мертво, нет. Все абсолютно живо, и я даже могу наблюдать за этой жизнью из окна.

«Люди» ходят там... Могу поклясться, они чувствуют себя если не замечательно, то хорошо. Все же, их состоя-

ние намного лучшие моего... Ну, мне так кажется. В опровержение собственных слов могу заметить, что выглядят они, однако, крайне печально при всем этом.

С пятого этажа не слишком много удается разглядеть, но...

Но это уже не важно

Когда-нибудь всем нужно решиться на отчаянный шаг, да? Моим отчаянным шагом будет попытка выжить здесь, в городе, хотя это и кажется мне невозможной задачей.

Пожелай мне удачи, фортуна».

– Пожелай мне удачи... – голос мой разрезал воздух и замер в нем, уйдя пустыми звуками в никуда.

Мои светлые, почти белые волосы оказались собраны в низкий хвост, а серая толстовка легла поверх теплой кофты, когда я одевалась, перебирая дрожащими пальцами содержимое рюкзака.

Все было каким-то... странным. Неестественным. Я будто не являлась собой, действуя по секунднему наитию. Пришло странное чувство, что мое тело мне не принадлежит вовсе.

Я никогда этого не сделаю... О чем я, черт возьми, думаю?

О голодной смерти в собственной квартире я думаю... Но взять нож в руки мне не мешает. Нужно просто оказаться там, вне квартиры... А дальше все будет словно фильм, словно игра...

Рюкзак лег на пол у стены, я уселась рядом с ним, поджав

под себя ноги и накинув на голову капюшон, чувствуя кровь, стучащую в висках пульсом. Это было слишком решительным шагом. Это было смертельным шагом.

Я не могла знать, что скрывается там, за дверью, только те белоснежные пальцы ввелись в мою память и засели в ней.

Там «люди». Они такие же, как и я... Такие же. Они не хотят причинить мне вред. Им это не нужно. Не нужно... Я ведь в этом уверена, да?

Но откуда такое сомнение в мыслях? Вспомнилось... Конечно, нельзя доверять собственным догадкам... Когда-то мне хватило глупости это сделать, и пришлось жалеть.

Я ведь оборвала все провода полиции, когда дикие крики из соседней квартиры заложили мои уши... И никто мне не ответил. Никто не помешал всему этому. Лишь когда утихли последние визги, я смогла дозвониться... И повесить трубку в ответ на дежурный вопрос.

У них, у «людей», просто все как-то не так работает... наверное. Я не могу об этом знать, не могу знать... Не могу понять, догадаться... Это сложно, невыносимо сложно... Но если не я, то кто? Здесь никого нет, поэтому только мне придется искать ответы, и мне же придется...

Узнать.

Мыслей становилось все больше, а желания действовать решительно оставалось все меньше, а это означало, что нужно спешить. Подхватив рюкзак за лямку, я ощутила на себе всю его тяжесть в уже не первый раз, после чего с трудом

подавила желание поставить вещмешок обратно.

Дверная ручка уже не дергалась. Она замерла на месте, и я схватилась за нее, сжав ладонь так, что побелели костяшки пальцев.

Смелее! Ну же!

Стон с той стороны заставил меня сделать уже который шаг назад и остановиться, ощутить холод в груди и попытаться вновь собраться. Взгляд невольно упал на ряды туфель, босоножек, сапог, после чего перешел на ботинки, одиноко пылившиеся в углу.

– Никогда отсюда не выберусь... – меня потянуло вниз, на пол, когда дверная ручка вновь пришла в движение.

Я смогла собрать рюкзак за полчаса-час. Я так много смогла сделать, чтобы... Чтобы застыть перед самым выходом? Глупость... Надо идти дальше... Я смогу.

Но во мне всего тридцать килограммов весу... Я худею... Я больна... Мне нужен покой... Только покой...

Тошнота подступила к самому горлу, и слезы брызнули из моих глаз, перебравшись на щеки. Я задыхалась во всем этом. Я погибала в самой себе, терзаемая тем, что через мои легкие завладело моей же кровью.

У меня не было никаких симптомов, кроме низкой температуры и этого странного состояния, похожего на предсмертное. Но было ли все это вообще странным?

Нет... Ничто не было странным. Все было и остается совершенно обычным.

Переборов себя, собравшись с силами, я дернула щеколду вправо и толкнула дверь от себя, ощутив, как внутри все замерло, сжалось ледяным комом и рухнуло куда-то вниз.

Блестящие серые глаза, подернутые полупрозрачной белой пленкой, встретились с моими глазами взглядом, и их обладательница, исключенная темноволосая девушка с бурой кровью на своей тощей шее, словно зверь подалась назад, ступая медленно и осторожно, после чего молча скользнула в квартиру, располагавшуюся напротив моей, двигаясь спиной.

Последним, что я в ней заметила, оправившись от шока, был синий рукав свитера, перепачканный чем-то грязно-желтым.

Стены были бурыми от того, что кровь или даже что-то хуже нее покрывало их. Я на подкашивающихся ногах доковыляла до лестницы и схватилась за перила, ощущая что стоять в принципе больше не могу.

Самые странные мысли заполнили мою голову, когда я вспомнила о белокожей больной.

Что с ней?.. Нет... я понимаю, конечно, но все же...

Взглядом я отыскивала дверь квартиры, в которой скрылось исключенное нечто.

Это просто «девушка». Ничего странного. Я точно такая же... Только умею открывать двери. Умею открывать двери и этим отличаюсь...

– Она кажется мне нормальной... – голос мой не прозвучал.

чал даже малость удивленно, и это шло вразрез с моим настроением. Все в моей голове и на языке было ровным и спокойным в момент, когда я с трудом пыталась удержаться на ногах. – Она ведь нормальная... Пусть и немного...

Убитая.

Глава I

Все не так уж и плохо на самом деле. Я спускаюсь вниз, и мне уже почти не страшно. Меня действительно игнорируют... Совсем. Временно ли это? Лучше не знать... Лучше не знать и надеяться на лучшее.

Ноги мои тряслись все сильнее, а синяки на них болели просто дико, все же зря я иногда не сдерживалась и била себя по лодыжкам или коленям как только могла.

Вокруг меня сейчас разворачивалась самая обычная картина убитой временем лестничной клетки, от которой отходили десятки дверей, что скрывали за собой старые, ставшие никому не нужными квартиры.

– Осторожно... Аккуратно... – прошептал это самой себе, я ухватилась за перила и с трудом перешагнула через узкую бетонную ступеньку, на которой растеклась уже подсыхающая бурая лужица какой-то дряни. Преодолеть ее оказалось легко, но мерзко.

Ноги несли меня вниз на какой-то запредельной скорости, то и дело заплетаясь. Спотыкаться о них в какой-то момент стало намного интереснее, чем смотреть по сторонам, все же вид крови и рвоты не слишком привлекал меня.

Что я ожидала здесь увидеть? Поле кроликов?.. Хах... Судьба оказалась жестока – их здесь нет... Зато всякая дрянь даже на стенах... А та белокожая больная не выхо-

дит из головы. Будет преследовать? Бред.

Хах.

Я впервые оказалась вне своей квартиры, вне своего «защитного купола», но не испытывала от этого никакого особенного дискомфорта. Все, что меня окружало, казалось нормальным, даже обычным, хотя налет странности и неестественности давал о себе знать моими подгибающимися коленями, что на одной из ступенек дали сбой и позволили мне с ходу опуститься на копчик и удариться им о бетон, запрокинув голову и бессильно раскрыв рот.

Теперь точно рыба...

Тупая боль пульсацией разошлась по моему позвоночнику, когда я попыталась встать, опираясь на руки. Все же оставшись на месте, на грязном полу, даже бетоне, я коснулась ладонью ушибленного места, не почувствовав при этом совершенно ничего, кроме неприятных ощущений.

Все нормально... Просто ударились. Я просто ударились, это не смертельно, не опасно... Будет синяк, наверное... И ладно...

А если трещина в кости?! Я читала об этом... когда-то. Давно... И при каких условиях может возникнуть перелом?.. Не при таких ли?..

Тряхнув головой и резко подавшись вперед, я повалилась на собственные руки, прекратив «сидеть» на ступеньке и съехав вниз, на гладкую и грязную бетонную поверхность, которая отличалась от прошлого места моего сидения лишь

расположением.

Рюкзак навалился мне на затылок всем своим немалым весом, а после ушел вниз и вправо, потянув туда же и мое тело.

С тихим писком я едва не повалилась на следующие ступеньки, но все же просто упала на бок и, сориентировавшись, поднялась на ноги, ощущая ломоту в теле и грязь на нем же. Бурые пятна, серые разводы... Все это окружило меня и пробралось на мою одежду, на мою кожу.

– Мерзость... – брезгливость не дала мне даже коснуться заляпанной толстовки, и я, машинально дернув пальцами, обхватила ими лямку рюкзака, единственный чистый его элемент, после чего направилась вниз, перешагивая через особенно грязные ступеньки и пытаюсь сдержать тошноту.

Больше никого до самой подъездной двери мне встретить не удалось, хотя я и не хотела никого видеть. Оперевшись об нее ладонью, я замерла, после чего приложила к ней ухом, наплевав на всю эту грязь, пытаюсь понять, что происходит снаружи.

Так тихо... словно... словно все хорошо. Словно сейчас раннее утро... Но сейчас совсем не утро... И совсем не рано. Сейчас так... страшно.

Дверь, не удерживаемая ничем, неожиданно двинулась от меня, и я скользнула за ней, не сумев вовремя сориентироваться.

Улица завертелась перед моими глазами волчком, я упа-

ла на живот, вытянувшись на земле. Рюкзак упал рядом со мной, перевалившись на бок и порвав собственные лямки.

Нет!

Бродившие по улице люди замерли, мгновенно повернув ко мне головы. Их глаза белели, словно подернутые пленкой. Шаркающие шаги, что до этого наполняли улицу наравне с запахом тухлятины и холодным воздухом поздней весны, прекратились, и все шорохи на секунду ушли в никуда.

Странный звук резким ударом донесся до моих ушей, и когда я повернула голову в его направлении, то увидела бледную, высокую мужскую фигуру в сером костюме, что замерла у стены, оперевшись в нее лбом. Кровь текла по лицу «мужчины», что бился головой о кирпич с небольшой периодичностью, временами подключая к этому свои кулаки, которые уже были разбиты.

Вокруг него на дрожащих ногах замерли такие же, как и он, «люди».

*Что с ними?.. Нет, я, конечно, понимаю, что с ними, но...
Что это за?..*

Не став дожидаться, пока «мужчина» закончит экзекуцию над самим собой, я медленно поднялась на ноги и подтянула к себе свой рюкзак, присмотревшись к лямкам, которые все же не порвались, а просто расцепились, после чего хрустнула блистером таблеток, вытасненных из кармана, закинув одну из них, обезболивающую, себе в рот и проглотив.

– Все хорошо... – неловко и неумело попытавшись успо-

коить саму себя, я невольно привлекла к своей персоне внимание, и «люди» резко повернули ко мне свои головы, хрустнув шеями и замерев, широко распахнув белесые глаза.

Их зрачки сужались и расширялись, я видела это, даже не приглядываясь. Эти фигуры, корявые и странные, просто смотрели на меня, не издавая ни звука. Они только дышали, да и то делали слишком тихо.

Улица манекенов... Смотрящих манекенов... На меня смотрящих... Жуть какая... Они еще и живые. Они ведь были такими же, как и я... А теперь что? Ничего... Заболели – и все, закончилась их жизнь... Оборвалась!..

Лучше не думать об этом.

Страх на мгновение охватил меня, в голову пришли самые страшные, самые жуткие мысли... Но ничего не произошло. Больные, прекратив наблюдать за мной, продолжили свои бессмысленные действия.

Собравшись с силами и, наконец, поправив лямки рюкзака, пытаясь при этом не шуметь лишний раз, я все же закинула вещмешок себе за спину и шагнула в сторону от широко распахнутой двери подъезда, переступив через лежавший под ногами кирпич.

Асфальт встретил меня своей сыростью и серостью, а сама же улица окружила меня мертвыми...

Больными!

...Больными «людьми», кирпичными стенами и мертвенным холодом.

Чувствуя чужие взгляды спиной, я ускорила шаг, пытаюсь лишний раз не смотреть по сторонам, пытаюсь не видеть всех этих... «мужчин», «женщин», что наблюдали так пугающе и странно.

В горле слюна смешалась с мокротой в липкий ком, который спустя несколько секунд оказался на земле, объединившись уже с кровью, которая украшала асфальт. Я поежилась, вытерев рот, после чего ускорила шаг, чувствуя, что сердце с трудом бьется в груди.

Все нормально... Все хорошо... Они ничего не заметили, а кровь не моя, значит, можно успокоиться. Можно... Но откуда тогда все это?..

Мысли в голову лезли самые мерзкие. Пройдя несколько метров, я все же повернулась в направлении звука шаркающих шагов, убедившись в том, что для его обладателей моиковыляния были чем-то нормальным... или не раздражающим.

Просто вокруг меня не люди, а «люди». Ничего страшного в этом нет... Может, у них в головах та же каша, что и в моей...

Хах! Откуда мне знать? Откуда? У меня нет шанса хоть что-то узнать, потому что я... одна. Просто одна. Я осталась в одиночестве и без объяснений.

А вся моя семья уже не одну собаку, наверное, съела. Связь в момент моего заражения оборвалась... Но с ними все уже точно не хорошо... Страшно-то как...

Слезы подступили к моему горлу единой волной, и я на ходу всхлипнула, пытаясь не сбавлять шаг, ни в коем случае не останавливаясь.

Краснота, распространявшаяся вокруг моих глаз уже как два дня, дала о себе знать жжением, когда ладонью я попыталась вытереть слезы, что лезли наружу единым потоком и сжимали мою шею в спазме.

На пальцах остались чешуйки отставшей ткани, которые я стряхнула в пыль. Они были влажными и... гнилыми?

И это – моя кожа... Она не разлагается, нет... она обновляется, как же я надеюсь на это...

Но у меня в желудке только вода и обезболивающее...

– Как здесь... странно? – прервала я свои новые мысли словами, после чего взгляд мой уперся уже в красный автомобиль, одиноко стоявший близ желтевшего жухлой травой газона.

Водить я не умею... Жаль.

Хотя... стоп... Зачем мне это?..

На всякий случай обойдя машину по кругу, я убедилась в том, что она все еще на сигнализации, после чего отошла от нее на несколько шагов назад и поежилась, не в первый раз понимая, что улица такая... тихая. Не было никакого шума города, не было ничего, кроме тихих шагов и стонов.

Это меня пугало.

Воздух был ледяным и рвался вниз по моему горлу при каждом новом вдохе, когда я вновь шла куда-то, гонимая

лишь собственным желанием идти.

Улица, улица, улица... Безжизненная, прекрасная улица окружает меня, словно клетка. У меня нет выхода из этого лабиринта, ведь его просто не может быть.

Я сама вышла из квартиры... Потому что не было более вариантов. Не на что жаловаться... Совсем. Но я продолжаю это делать.

Почему? Хочется...

Хах.

Здания высотой в десятки моих ростов тянулись вверх кирпичными и бетонными гробами. Они красные, они белые в синюю полоску, они разные, они казались мне просто огромными. По обе стороны улицы таких домов десятки, они складывались в единую линию и стремились вглубь города.

Я шла по асфальту, и следом за мной, а еще просто во все стороны, брели другие «люди». Я уже изучила их.

Да я вижу их насквозь, незачем таить это...

Они тощие, слабые, больные. Им не нужно ничего друг от друга и самих себя, даже от меня им ничего не требуется на самом деле. Они бродят туда-сюда, не ведомые никакими целями. Единственной пробуждающей их ото сна вещью является звук.

Как они отреагировали на мой голос... Это было так... странно. И резко. Повернулись, замерли и взглянули. Как какие-то зомби из книг... фильмов. Как какие-то мертвецы.

Жутко... Придется привыкать, да?

Видимо... То еще удовольствие будет...

Мало того, что я совершенно одна, так еще и нет шанса хоть кого-нибудь отыскать. Его просто нет, и это не смешно.

Медленно опустившись на землю у одной из стен, вжавшись спиной в холодный, не самый грязный кирпич, я растегнула рюкзак, и тетрадь оказалась на моих острых коленях.

Она была такой грязной, растрепанной и странной... Она была дневником, единственной моей связью с прошлым и моей единственной надеждой на будущее.

Нужно было писать.

«Все, что окружает меня, такое странное... Эти «люди»... Я боюсь их, но они наверняка и сами крайне пугливые. Они могут вцепиться друг другу в глотки. Они делают это... иногда делают. Я видела это собственными глазами, когда еще находилась дома... Видела, как один из больных, трясущийся, вцепился другому в горло, выпустив его кровь наружу.

И зачем я покинула свой дом?..

Так нельзя поступать. Это странно, все это

Я не ощущаю себя чем-то живым, не ощущаю себя способной давать здравую оценку ситуации, но... Так ведь нельзя.

С другой стороны... Они отличаются от тех себя, которых знали в прошлом. Нельзя говорить о них как о чем-то,

находящемся вне этого... апокалипсиса.

Мне нужно идти дальше. Никакой карты своего пути я приложить не могу. Нет у меня карты... А названия улиц вылетели из головы. Это кажется мне смешным сейчас, но ни одной таблички я не видела уже с десятков минут, а это, пускай и необычно, но больше странно. Я иду и иду, и совершенно не понимаю, куда я иду, а понимания того, зачем я это все делаю, у меня вообще нет».

– Дикость... – голос мой эхом разошелся по улице, и косой взгляд прихрамывающей светловолосой «девочки», что на мгновение остановилась, склонив голову набок, стал той вещью, что смогла зацепить меня в этом безумном мире.

У «девочки» было пепельного цвета каре, а одета она была в длинную бежевую кофту. Багровое пятно сухим напоянием о прошлом таилось на ее левом бедре. «Девочка» хромала из стороны в сторону, не идя при этом практически никуда, и вывороченный сустав ноги ей в этом совершенно не мешал. Большие синие глаза были подернуты столь удивлявшей и пугавшей меня белой пленкой, но они были такими... Странными, живыми, пустыми и оглушенными одновременно.

Красивая... Она такая красивая, какой я, наверное, всю жизнь хотела стать, вот только... Она очень худая. Похожа на спичку, а ходит так, словно... У нее рана! Открытая рана! Рана...

Невольно изучив бедро больной пристальным взглядом, я

закрыла себе рот рукой, чувствуя, что в груди сердце бьется через раз.

Моя толстовка уже пропиталась какой-то дрянью и источала странный, резкий, сладковатый запах, вдыхать который мне просто приходилось.

Стоило мне стать чуточку тише и попытаться успокоиться, как «девочка» потеряла ко мне всякий интерес и, медленно развернувшись, отрывисто заковыляла прочь, оставляя меня наедине с воспоминаниями о каких-то старых фильмах, в которых главными героями выступали зомби и влюбленные.

Было и страшно, и больно, когда я вновь оказалась в пути, гонимая лишь тупым желанием идти куда-нибудь.

Покинув квартиру, я оказалась не в лучшей обстановке. Стремление исправить это не давало мне покоя.

Выбора у меня не было... Куда теперь идти?

Глупая ситуация... Очень глупая на самом деле. И самое смешное то, что никакого плана дальнейших действий у меня просто нет.

Я — птица, вырвавшаяся из клетки. Кого мне бояться среди тех, кто не хочет меня тронуть? Стоит опасаться того, что я сама хочу, могу натворить...

Хах!

Больных на улицах было много. Они переполняли собою следующий участок моего пути, уставленный какими-то заборчиками-ограждениями.

Обессиленная и уставшая, я обходила эти странного вида препятствия и видела, как «люди» натываются на них и падают, даже не замечая этого.

Больные вставали, будто и не лежали на асфальте мгновениями ранее. Они были неопрятными, почти мертвыми, но при всем этом мне было просто... жаль их, и это я скрывать не могла.

Слезы невольно выступали на щеках, мне приходилось сдерживаться, чтобы не издать ни звука.

Все вокруг было залито кровью, что чернела на сером асфальте, разбавляя собою его тухлые, мрачные краски. Рыже-белые пятна чего-то находились там же, у всех под ногами, у меня под ногами, в конце концов. Я шла по этой мешанине, задыхаясь мириадами запахов. А еще, по всему этому «ковру» нестройными рядами брели «люди».

Продуктовый магазинчик, чья вывеска лежала на земле, был здесь единственной соломинкой, за которую хотелось ухватиться. О пополнении скудных запасов того, что я не могла открыть, не было и речи. Это было очевидно.

Сухие макароны... Мне больше ничего не нужно... Разве что мне пригодился бы какой-нибудь хороший нож, чтобы открыть консервные банки, мне требуется зубная паста и щетка для нее, не одна, наверное, мне нужны жареные баклажаны, грибы, овощные салаты...

Я просто хочу есть, и я бы поделила соседскую собаку с ее обладательницей, если бы могла...

Но какая же это гадость...

Тошнота нахлынула на меня в тот момент, когда мысли покинули мою дурную голову, и я стояла у стеклянной двери, что медленно покачивалась на верхней петле. Она дернулась от порыва ветра, а я согнулась, выплескивая из себя клейкую, стоявшую комом в горле, массу, в которой виднелись кровавые прожилки.

Все внутри меня было сухим и гнилым, оно было гадким и мерзким... Больным.

Хотя, этот процесс во мне нельзя назвать гниением. Это что-то другое... Что-то странное.

Толкнуть дверь от себя я все же смогла, но, оказавшись в магазине, тут же ухватилась за дверной проем, ощущая, что костяшки моих пальцев побелели и напряглись. Вся я напряглась, а внутри даже сердце застыло, натянувшись струной.

И здесь все было таким... тихим, спокойным... грязным... живым и мертвым.

Бурые пятна на светло-синей ткани блузки были циничной насмешкой над обладательницей некогда этой красивой, весенней одежды. Но «девушка» не могла понять всей иронии собственной жизни. Она только уныло бродила меж полок, как бродили меж ними и другие «люди», что так напоминали собою сонных мух...

Улица продолжилась. Улица была везде. Больные, такие же «люди» как и я, были везде. Они наполняли собою

все помещения, все углы, и нельзя было избежать их молчаливого общества.

Я никогда не знала, что жила в столь густонаселенной местности.

Влившись в эти нестройные ряды больных, я ощутила, как внутри моего сознания что-то меняется. Эта картина заседала в моем больном, гнившем мозгу бытием, рутиной.

И я теперь должна приходить сюда... каждый день... и видеть их. Смотреть на них, разговаривать с ними...

Нет-нет-нет. Я сюда прихожу впервые и ровно на пять минут. Мне только найти макароны... Я никогда сюда не пойду, ведь здесь... здесь...

– Апокалипсис... – голос мой был тихим, хриплым шепотом, но даже так привлек внимание больных, когда я, не сдержавшись, закончила свою мысль вслух.

Один из «них», высокий, костлявый, бритый паренек даже резво дернулся в мою сторону, полыхнув своими белесыми, живыми глазами, но какая-то коробочка позади него слетела с полки, и он резко обернулся на звук, двигаясь так, словно его кости были независимы друг от друга.

Больной замер, даже прекратив дышать, а остальные: «девушка», «подросток», «мужчина» искаженной походкой направились в сторону упавшей коробочки, молча при этом.

Двигались они словно птицы. Шаги их были мелкими и редкими.

«Девушка» в красивой одежде светло-синего цвета, ис-

пачканной кровью, опиралась о полупустую полку, когда шла, а дыхание ее, особенно резкое и какое-то звериное, врезалось мне в память, когда я на подкашивающихся ногах обошла их по широкой дуге и опустилась на пол, замерев сидя спиной к кассе. Холодный пот струился по моей коже ручейками.

Черт... Черт, черт, черт... Я не хочу это видеть...

Что-то небольшое и крайне ободранное скрипнуло дверью, покидая злосчастный магазин, а я смотрела ему вслед, видя лишь слабые виляния хвоста «собаки».

– Уроды... – чувствуя напряжение в собственном голосе, я медленно вдохнула и выдохнула, понимая, что вновь привлекла к себе лишнее внимание. Воздух покидал мои легкие, чуть ли не заставляя их трещать, столь сильным было мое напряжение в момент, когда полные ненависти и едкой пустоты взгляды пробежались по мне.

Вся эта ситуация была столь дикой, что мои ноги тряслись, даже когда я была на полу, норовя унести меня куда подальше.

А где-то там, за полками, лежало что-то обглоданное и совсем не живое. Скорее, оно было полностью мертвым. Мертвым до той степени, до которой добрался только истинный не-желец.

Только не говорите мне... Прошу, не говорите мне, что есть и те, кто не стал больными... Я этого не переживу, не переживу... Дайте мне надежду... Дайте мне хоть что-

нибудь, я не могу жить, зная, что есть те, для кого все это – простуда, для кого все это – ерунда. Не показывайте мне тех, кто могут прийти домой и увидеть себя нормальных...

Пожалуйста...

Но к кому я обращаюсь?

Слезы. Я не смогла перестать плакать, но мне удалось заглушить любые стоны со своей стороны и попытаться достать себе поесть.

Давясь собственными рыданиями и пытаясь не смотреть на пол, я поднялась, упрямо отворачивая голову от незабываемого зрелища чего-то растерзанного, жалкого и мертвого.

Полки не были полны. Всякий мусор вроде дезодорантов и бритв валялся на них, поэтому что-то хоть самую малость съедобное мне удалось отыскать не сразу.

Морозильники в углу были выключены, ароматы мокрых тряпок и тухлого мяса смешались с плесневым запахом талых грибов. Фруктовые ряды были полны жухлой снеди, которую гниль тронула пусть и в меньших масштабах, чем некогда замороженную пищу, но все же тронула.

На полках с консервами была жгучая пустота, макарон не было вовсе. Неведомые посетители успели расхватать и кошачью еду, и все корма, и детское питание...

Ничего... Это глупо! Я не могу здесь быть... Они смотрят... Они больны...

Опираясь о полки дрожащими руками, я шарила везде,

докуда могла дотянуться, но чувствовала пальцами лишь сухой, холодный пластик, дерево и пустоту, что чуть ли не звенела, но вместо этого откладывалась в моем мозгу шарканьем чужих подошв.

Я не была самой громкой здесь, но и самой тихой не являлась, потому внимание больных, что временами изучали все свое окружение пустыми взглядами, стало тем, что преследовало меня, куда бы я ни уходила.

Хоть что-нибудь должно было остаться... И кто все это вообще брал? Кто набил свои карманы консервами и макаронами, не оставив ни мне, ни другим ни капли?

Чертовы мародеры...

Отчаяние. Я давно познакомилась с ним, оно стало тем, что толкало меня вперед на протяжении всей моей болезни. И сейчас оно вновь пришло и смешалось со слабой надеждой, что опаляла мой разум изнутри.

Ничего не было. Черствый хлеб в прозрачных пакетах, там же хрустящие тараканы с ломкими ножками, рядом бритвы, отсыревшие спички, зажигалки...

Люди, когда еще были не совсем нездоровы, расхватали все съестное, оставив после себя лишь мусор в виде пустых оберток, корок и насекомых.

А потом все они подхватили эту заразу, витавшую в воздухе, этот... вирус, болезнь. Они ее подхватили, чтобы запечатать в своих домах и своих нерабочих холодильниках то, что могло бы спасти мою несчастную жизнь...

Они убили мое право расхищать полки магазинов, растащив все их содержимое первыми!

Одна-единственная найденная бутылка с водой, с которой я с тихим хрустом скрутила крышку, наполнила мой желудок спасительной прохладой, когда мои ноги подкосились, и я оказалась сидящей на полу.

Пожалев о том, что прихватить подобное из дома я не смогла – сил ждать, пока столь необходимая для выживания жидкость наберется, не было, я фыркнула, запрокинув голову и отдавшись собственным мыслям.

Зато вместо воды я взяла очень много консервов, которые даже открыть не могу... Это было глупо... Теперь придется постоянно искать...

Хотя это все было моим выбором. Осознанным.

Теперь мне просто нужно идти куда-то.

Смех хриплым лаем вырвался из моего горла, и я, не сдержавшись, вцепилась зубами себе в рукав толстовки, давась собственным хохотом, что перерос в истерическое икание спустя минуты моих затыканий самой себя.

И все это происходило под острые, ненавидящие взгляды «людей», что рыскали вокруг меня, нисколько мной не интересуясь, но при этом временами наблюдая своими внимательными глазами, в которых отражалась сама пустота.

Они шатались, шатались страшно, при этом двигаясь крайне неестественно и дергано.

Вблизи было видно, что все их мышцы напряжены, а ве-

ны чернеют под белой, полупрозрачной кожей неприятными сетками.

Вокруг меня были не люди, нет. Это были...

Звери. Настоящие звери ведут себя именно так в дикой природе. Они ходят, не могут расслабиться и ищут, бесконечно ищут то, чем можно пообедать.

А у меня страшно болит все внутри на самом деле. Нутро мое, смоченное ледяной водой, хочет вывернуться наизнанку и вылить все, чем его напоили, на пол.

Не дам ему это сделать... И так противно.

Все во мне сжалось в тугой ком, когда вновь пришлось вставать и идти против собственной воли. Против собственных возможностей.

Вся напряженная, едва живая, я попыталась брести прочь, но, вспомнив о ноже для консервных банок, застыла на месте и обернулась, нос к носу столкнувшись с бесшумно замершим позади «мужчиной», чьи бездонные белесые глаза были готовы выкорчевать мне душу с корнем.

На лице его не было никакого выражения, оно поражало пустотой и какой-то нелепостью. Ноздри больного дергались часто и прерывисто, дыхание было сладко пахнущим и гадким одновременно. Сосудистая сетка окружала левый глаз на лице «мужчины» темным пятном синяка.

Я сделала шаг назад, и дверь поддалась, выпуская меня наружу, на улицу, на пропахший кровью холодный воздух.

Больной остался стоять в магазине. Высокий и хрупкий,

для того, чтобы я смогла встретиться с ним взглядом, он согнулся, и его птичьи кости до сих пор торчали во все стороны под странными углами.

Он бы напал на меня... Напал бы. Или нет? Не понимаю, не понимаю!

Точно кинется! Точно...

Я уже чуть ли не жмурилась от страха, но...

Не став на меня долго смотреть, «мужчина» резко пришел в какой-то более собранный вид и двинулся к пустынным полкам, к своим больным компаньонам по несчастью, к обглоданному трупу своего не столь везучего соседа.

Его фигура застыла в моей памяти уродливой, гротескной статуей собственного будущего, и я отвернулась от магазина, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке. Тошнота продолжала подкатывать к горлу едким комом.

– И что мне делать?.. – вода в моем желудке смешивалась с пустотой и проглоченным еще в начале всего этого обезболивающим, порождая боль и тяжесть.

Никто мне не ответил на этот скупой вопрос, заданный мною в воздух в отчаянной попытке узнать ответ.

Едва удержавшись на ногах, я окинула взглядом улицу, надеясь увидеть хоть кого-нибудь, кто не был бы похож на тех «людей», но вокруг была одна только пустота.

Больные... Они окружают меня! Они... всюду, и я... я тоже больна. И никто мне не ответит...

Асфальт ушел у меня из-под ног, когда в очередном при-

ступе слабости я опустилась на ступеньки магазина, закрыв слезившиеся глаза ладонями. Дыхание хрипами вырывалось из моего горла. Рюкзак сполз с моей спины на бетон.

Я выглядела просто ужасно со стороны, уверенность в этом меня не покидала.

Улица была прекрасна. Она была красива, степенна и сера, словно аристократка из старого фильма. Высокие дома, до крыш которых мне было никогда не достать, жухлая трава, некогда бывшая ярким газоном, покрытый трещинами асфальт, над которым витала едва заметная пыль небольшими хлопьями.

Больше всего мне сейчас нравилось небо. Оно было настолько ярким, что цвета его перемежались с моим почти монохромным зрением, порождая великолепную, блеклую картину. Небо было разрезано остро выделявшейся белизной перьевых облаков.

– Что же здесь творится... Невыносимо... Это все невыносимо! – прошептала я, понимая, что не могу просто молчать и смотреть на свое окружение. Физически не могу. Собственный голос резанул мне по ушам гадкой тональностью. Он был противным, хриплым и слабым. – Невыносимо...

Вокруг было тихо и свежо, но странные, мерзкие запахи не давали мне покоя.

Ряды «людей» только сейчас разбавились «животными», что выползли из своих «убежищ» и бродили под ногами больных костлявыми тенями.

Эта необычная сцена городской жизни напомнила мне балаган в худшем из его представлений. Тихий, мрачный цирк, который не может привлечь ничем, кроме чистого ужаса, который сам же и вызывает.

Здесь так... тихо, так... странно... Я не хотела попасть во все это... Не хотела, черт. С таким же успехом можно было оставаться дома... Но где сейчас мой дом?

Память ожгло, голова заныла, я вцепилась себе в виски, чувствуя их мертвенный холод. Я и сама была ледяной под стать тому, что меня окружало.

В моем пораженном болезнью мозгу роились едкие воспоминания, складываясь в разрозненные, яркие картины.

Дикой стрелой пред глазами пронеслась вся жизнь от рождения и до смерти здесь, на этих ступеньках, и меня вывернуло наизнанку на собственные колени. Повалившись вперед, я еще долго хватала воздух, а темнота в голове не позволяла мне увидеть совершенно ничего.

Надо собраться... Я должна вспомнить, но все такое... гадкое, мерзкое, и сама я и гадкая, и мерзкая... Залила себе джинсы, залила толстовку желудочным соком.

Худая... Тридцать килограммов... Противно-то как...

Дыхание мое сорвалось на звериное и частое, когда я с коленей осела набок, упав на подломившихся локтях и коленях. Небо закружило над головой и перед глазами блеклой пародией на само себя. Стало до странности темно, но при этом хорошо и... спокойно.

Меня окружали больные, которым было совершенно все равно на мое отвратное состояние. Они не замечали меня, будучи не в силах это сделать...

Наверное.

Я их не понимаю... Просто не понимаю. Они странные, они... пугают меня, до сих пор пугают...

Все кружится перед глазами... Та еще картина! Желудок ноет, я есть хочу, но не сунусь обратно, в магазин, ведь там лежит он, и ходят они. Ждут... не меня, но кого-то, кого можно... съесть?

Глупо! Идиотские мысли... Но о чем мне еще думать?

Ничего в голову не приходит... Пустота, просто пустота там... Здесь.

Дикая карусель из собственных домыслов ударила по моему разуму, и я рывком села, всем телом ощутив, что мой позвоночник вот-вот сломается, не сумев удержать показавшийся ему крайне тяжелым рюкзак.

Но все обошлось, и я вновь оказалась на ногах, хотя совершенно не желала этого.

Никто не обратил на меня внимания, когда я встала.

А нужно ли мне оно?..

А как же общество?

Без таких мыслей, без них...

«Люди» все еще ходили взад-вперед по улице, сцеплялись друг с другом, бились головами о стены, вели себя так, как и должны были вести.

Или нет? Или они должны были сейчас быть иными?

Кто так поступал до всего этого? Я не помню, чтобы так делал кто-то... нормальный. Хотя, что значит «нормальный»? Это такое расплывчатое понятие... Такое странное понятие...

Сейчас все такое непонятное.

Вновь я схватилась за свою голову, теперь ощущая стук крови в ноющих висках. Изнутри давило невыносимо. Слои старой кожи оставались у меня на пальцах, когда я зарывалась ладонями в собственные волосы, пытаюсь унять страшную боль.

Мелкими шажками я направилась прочь, не полная надежд ни на что. Я осталась наедине с пустотой, пусть вокруг меня и были «люди». Я уже понимала, что их не интересует ничто, кроме собственных желудков и странных желаний, которых я не понимала.

На улице все такое... Яркое, но при этом такое... блеклое. Как же меня все это пугает... Ведь у меня нет цели, я просто сорвалась с места и пошла... Просто пошла, понимая, что идти мне некуда.

Но я всегда могу отыскать бутылку воды или пачку макарон и расслабиться... А если у меня появится консервный нож, я буду спасена.

– Спасена... Конечно... – на ходу сорвав рюкзак со своего плеча, я зарылась ладонями в его содержимое, перевернув его вверх дном и остановившись, водрузив свой распо-

трошенный багаж на первую попавшуюся ступеньку.

Дневник, одежда, аптечка, фотоальбом... Все это было единым и малопонятным комом, оказавшимся на земле, когда я вытащила из недр рюкзака консервную банку, чьим содержимым был зеленый горошек не самого лучшего качества.

– Если я тебя не открою...

Не сдержавшись и ударив консервной банкой по ступеньке, я всхлипнула, после чего сунула ее обратно, завалив остальными вещами, и выпрямилась, не понимая, зачем вообще раскрыла недра рюкзака. Там не было ничего нужного или интересного, кроме...

«Все хорошо. Я дома. Весь город теперь – мой дом и моя квартира. Здесь не слишком уютно и даже одиноко, но я не чувствую себя плохо... У меня есть консервы в конце концов. Я их пересчитала, когда пыталась открыть о ступеньки.»

Две банки фасоли (белой, вот дрянь). Одна банка горошка (самого гадкого). Одна банка кукурузы (моей любимой). Две банки с консервированными ананасами.

Скука смертная. Я и не знала, что у меня так много еды на самом деле. Подумать только... Я не догадалась ее посчитать перед тем, как сложить в рюкзак.

Никогда не чувствовала себя столь глупой.

Солнце такое красивое... Все больше мир я вижу в черно-белых тонах, это уже не кажется мне смешным, это

пугает меня. Действительно пугает. Разве может все становиться таким серым с течением времени?

*Я, оказывается, могу писать очень длинные заметки. За этот день я исписала уже половину своего дневника, на-
верное. Шесть страниц... Уже семь».*

Вновь хранитель всех моих тайн оказался среди одежды, фотоальбома и консервов, а я побрела дальше, преисполненная ничего иного как едкой, сухой скуки. На смену моего бывшего подобия активности пришла настоящая апатия, в которой я задохнулась мгновенно, словно оказавшись на дне.

Когда тихий хрип привлек мое внимание, я как раз терла свои грязные, перепачканные желудочным соком колени. Повернув голову в направлении звука, я увидела окно первого этажа какого-то дома, открытое. Из него наполовину свесилась вниз «девочка» с удивительными рыжими волосами, что неровными кудрями торчали во все стороны.

Приглядевшись к больной, я поняла, что у нее нет нижней челюсти. «Девочка» истошно хрипела, но ничего не предпринимала, даже не двигалась толком, и просто лежала наполовину в квартире, наполовину на улице, выставив на обозрение свои белоснежные глаза, покрытые тонкой пленкой.

Она не будет против, если я... загляну к ней? Да, загляну. Мне кажется, это не будет самым страшным из моих «грехов», которых уже к вечеру наберется с добрую сотню, даже тысячу.

Я ведь не собаку съедаю, право дело

Тем более, собака после съедения, судя по всему, может встать и побежать дальше, словно совершенно жива и здорова, да и вообще не тронута.

Перекинув рюкзак на другую сторону окна, я с трудом смогла подтянуть себя вверх и оказаться на подоконнике, едва не потеряв свою обувь, что зацепилась за острый край какого-то кирпича. Локти дрожали и предательски готовились сломаться под моим не самым большим весом.

– Так тихо... – я проговорила это, рассевшись на окне, нелепо пытаюсь отдышаться. Когда ноги начали затекать, мне удалось опустить их на пол, но вставать я не стала, замерев, запрокинув голову, чуть ли не фыркая от ощущения спокойствия.

«Девушка» все еще лежала рядом со мной, не двигаясь и хрипя.

Сомневаюсь, что ей сейчас здесь хоть что-то интересно.

Комната, расстилавшаяся пред моими глазами, была скудна на мебель, а пол ее был вымазан характерными для всех больных жидкостями. Двухспальная кровать с изрезанными, изорванными простынями и одеялами стояла у стены, напротив нее располагался шкаф с распахнутыми дверцами, из которого вывалилось все его разноцветное содержимое. Кучка перьев лежала поверх растерзанной подушки, а дверь украшала собой пол, будучи... выбитой.

Меня все это не интересует, мне нужен только холодильник. В этой комнате его нет, а это значит, что я должна

искать дальше.

Прекратив сидеть на подоконнике и встав, я вновь во-
друзила рюкзак себе на плечи, после чего мельком гляну-
ла на рыжеволосую «девушку» и нервно сглотнула, ощущая
привкус кислоты и соли во рту.

– Прости... – нехотя я отвернулась от всего этого зрели-
ща, вытерев рот уголком рукава толстовки, на вид которой
мне пришлось наплевать вопреки внутренней брезгливости,
что заставляла внутренности сжиматься тугим комком.

Мелкими шажками я направилась в сторону кухни, что
находилась прямым за дверью, обогнув ванную, в которую
вел еще один дверной проем.

Прямоугольный стол, с которого кто-то сорвал желтова-
тую скатерть и бросил последнюю в углу, был пуст и чист,
а кухонный диванчик был завален столовыми приборами:
вилками, ножами, ложками, выглядывал и край штопора.
Холодильник стоял у стены, невысокий и пузатый. На нем
висело с десятков разномастных магнитов, изображавших ма-
леньких животных, страны и улыбки.

Мне не нравилась вся эта картина. Она была слишком
спокойной, она находилась в контрасте с тем, что мне при-
шлось пережить за этот слишком длинный, беспорядочный
день.

Все такое... живое.

Противно от этого.

Я дернула на себя дверцу холодильника, ожидая отыскать

в нем хоть что-нибудь съестное, но от увиденного лишь повалилась на пол, издав испуганное сипение, в горле в одно мгновение стало сухо, что-то булькнуло в груди. Ноги сами понесли меня назад, и только когда мой затылок соприкоснулся со столом, я застыла на месте, запрокинув голову и изучая содержимое открытого.

Что-то скрюченное и склизкое, столь похожее на мертвеца и, впрочем, бывшее мертвецом, вывалилось на пол безжизненным мешком из холодильника, распространив гамму наихудших запахов тухлого мяса и плесени, рассыпав вокруг себя комья белоснежных червей. Рой мух закружил по кухне, а я сидела, упираясь затылком в стол и чувствуя пот, что ледяными струями бежал по моей спине.

Только не говорите мне, не говорите мне, что это... Я не вынесу, я ведь понимаю, что это необоснованно и глупо, держать кого-то в холодильнике, потому что он умер... Или потому что умер ты...

– Не двигается... – тошнота вновь переполнила меня неизбежаемым ощущением кома в горле, но я, скривившись, поднялась, опираясь на стол, после чего села на край дивана и изо всех сил заехала самой себе по левому колену кулаком, пытаясь сосредоточиться. Слезы потекли у меня из глаз, обжигая натертую, покрасневшую кожу век.

Труп лежал на полу, маленький и скрюченный. Он казался особенно скользким в слабом свете солнца. Кожа его блестела и отливала серой гнилью.

Просто не надо смотреть в его сторону... Это ведь просто. Поищу в ящиках что-нибудь...

Схватившись за эту мысль так, как стоит хвататься за соломинку утопающему, я кинулась к ряду ящиков и тумб, обогнув скрюченное нечто по дуге. Мои пальцы дрожали, когда я открывала все дверцы, которые только могла, вываливая на пол все, что мне удавалось найти.

Здесь были макароны, какие-то крупы, сода, соль, мука. Все это летело на скользкий, чистый линолеум и оставалось на нем, пока я не выгребла все до конца, опустившись перед этой мешаниной пакетов и открытых пачек на колени.

Я поем... Что-то нормальное, пусть и сухое... Я поем, поем, поем! Набью желудок чем-то, кроме таблеток...

Напомнив себе о том, что стоит отыскать еще и аптечку, я рывком разорвала пачку с макаронами и начала есть, перемалывая на своих зубах все, попадавшее в рот, в мелкую, хрусткую крошку. Это была редкостная дрянь, которая резала меня изнутри, когда я ее жевала.

Кровь из десен запенилась у меня на губах, а я все грызла и грызла макароны, издавая истеричное, нервное хихиканье. Розовая жижа, похожая на грязь, вылилась из меня вместе с подобием рвоты, когда мое тело, наконец, скрутило в приступе боли. Желудок внутри предательски сжался и готов был взвять, но все равно терпел и принимал пищу, а я ела через силу, жмуря глаза и вымученно скалясь.

Больно... Больно, грязно, противно и мерзко... Я бы с ра-

достью сварила все это и скормила самой себе... Но нет электричества. Ничего нет. Нужно просто есть всякую дрянь и радоваться тому, что у меня есть хотя бы этот пакет... Который уже почти пуст.

Вода слабой струйкой текла из крана в пустую бутылку из-под минералки, которую я все же догадалась прихватить с собой из того злосчастного магазина.

Мне хотелось смеяться и плакать одновременно, но я стойко терпела все это жизненное издевательство и пыталась наслаждаться тем, что у меня было – слабой струйкой воды и ноющим, разрывающимся желудком, который, казалось, наелся колючей проволоки.

«Теперь я не могу есть макаронны в таком... сухом виде, это так больно... Нужно что-то придумать, я знаю это. Я бы с радостью что-нибудь придумала, но не могу. Физически не могу.

Я сижу на кухне и жду, пока бутылка наполнится водой. С пола на меня смотрит маленький трупик, выпавший из холодильника этой «девушки».

Я еще о ней не писала... У нее очень красивые рыжие волосы, чей цвет я смогла понять без лишних вопросов или взглядов. Не могу поверить в то, что такие красавицы становятся... монстрами. Это странно. Так не должно быть.

Хотя, о чем я вообще пишу? Никто не должен заразиться такой дрянью и лишиться разума... Никто».

– Придется пришить еще листы... Я забыла нитки до-

ма... – отпив из бутылки и вновь поставив ее наполняться, я спрятала дневник в рюкзак и, оставив его на столе, прошлась до чужой спальни, после чего обогнула дверь, лежавшую на полу, и нехотя попыталась порыться в вещах той «девушки».

У нее была лишь разноцветная, плохая одежда. Мужская, женская, детская... Меня вновь передернуло от полного осознания того, что я нашла в холодильнике, и макароны заерзали в желудке иголками дикобраза, заставив меня опомниться и приняться обыскивать ящик явно старого деревянного комода.

Нижнее белье, духи... Откупорив последние и принявшись, я скривилась, не выдержав столь стойкого и терпкого аромата, а вот их обладательница, все еще лежавшая наполовину в квартире, а наполовину на улице, зашевелилась, принявшись дергать босыми ногами.

Подумать только... Я обыскиваю чужой дом, пока его владелица висит на окне...

Никакого швейного набора не было ни в спальне, ни на кухне, хотя в ванной мне удалось отыскать аптечку.

– Обезболивающее... – перебирая лекарства, я невольно бросила взгляд на наполненную водой ванну, в которой что-то витало под самой гладью, широко раскрыв белесые глаза. Смотреть поближе на это у меня не было никакого желания.

Перебрав аптечку и сунув пару лекарств в карманы, а несколько первых попавшихся таблеток себе в рот, я запи-

ла этот горький коктейль водой из бутылки, что наполнялась пускай и медленно, но все же наполнялась.

Время шло, а я кругами рыскала по квартире, обходя стороной то ванную, то скрюченный трупик на полу.

Теперь это место выглядит так, словно в нем побывали мародеры... Притом не один раз.

Усмехнувшись собственным мыслям, я все же подобралась обратно к подоконнику и присела на самый его край, рядом с вновь прекратившей двигаться «девушкой», перекинув ноги на сторону улицы. Прыгать вниз даже с маленькой высоты было страшно, поэтому я застыла на месте, смотря то на небо, то на темневший внизу, в нескольких сантиметрах от моих кроссовок, асфальт.

Мне было мерзко от того, что я делала минутами ранее, но в то же время меня всю охватывал азарт, что тек по моей крови приятным душе адреналином. Жизнь налаживалась. Впервые за столь долгое время я была на улице, да еще и имела при себе столько еды и вещей.

Только консервного ножа у меня нет...

Обернувшись и захотев было пойти за ним, я уловила лишь шум открывающейся двери и скользнула вниз, забыв о том, чего боялась мгновениями ранее.

Рыжеволосая «девушка» среагировала на все это мгновенно и даже обернулась, успев расширить глаза и искривить свое искореженное лицо в столь дикой гримасе, что я почувствовала уже ставшую для меня родной тошноту.

Там, в квартире, кто-то был.

Если это кто-то... Такой же, как и я? Ведь людей много... Так много, что... Ну, а если нет? Если там тот, для кого все это – не больше, чем простуда? То что мне тогда делать? Я не могу с ним столкнуться... Или с ними.

Рассудив подобным образом, я отступила в сторону от окна и замерла, прижавшись спиной к стене, вслушиваясь в заунывную тишину, что на мгновение сменилась треском, а после – чьим-то падением.

Воздух наполнился едким хрустом, я вцепилась зубами в рукав своей грязной толстовки, чувствуя, что макароны вместе с водой и выпитой мною дрянью пошли наверх.

А самое смешное во всей этой ситуации то, что я совершенно не вижу, что происходит там. И не смогу увидеть, если не заберусь обратно.

Кривая улыбка наползла на мои губы, и я, повинувшись какому-то внутреннему порыву, побрела прочь, гонимая с этой улицы, гонимая от этого дома чем-то неведомым. Вероятнее всего – рассудком. Его здоровой частью.

А где-то позади меня улицу наполнял заунывный хруст. Он был тих, но при этом от него не веяло ничем хорошим.

Совсем.

Глава II

«Меня можно смело назвать самовлюбленной... И вы будете правы. Я – эгоистка в черт знает каком поколении. Я забочусь только о себе. Сейчас – точно. Ведь Я... Я могу обокрасть чужой дом, если мне понадобится это сделать. Я многое на самом деле могу совершить... Но только в этот день.

Все завершилось без лишних приключений. Через несколько минут я лягу спать. Даже не на улице, на ней очень холодно. Буду дремать в маленьком магазинчике. Уже заперлась в кладовой, хотя мои новые друзья и соседи очень любят дергать дверную ручку и слушать. Странные у них увлечения. Не понимаю их.

А вообще, все не так уж и плохо. В этой комнатке почти не холодно, а рюкзак под головой хорошо заменяет подушку. Пишу я, пользуясь фонариком. Думаю, их еще привлекает свет, но я в этом не уверена полностью.

Желудок все же принял макароны и прекратил отбрыкиваться от них. Хорошо, что я захватила с собой несколько пачек, завернув в свою одежду, кинув в рюкзак. Все же, за шум здесь цена высокая... Очень высокая.

Могу смело заявить, что я планирую выжить. Писать приходится постоянно и, наверное, слишком часто и слишком много, но этот день сурка настолько длинен, что мне

приходится писать каждое воспоминание и каждую новост.

А еще, завтра у меня день рождения. Мне исполнится... Сколько?»

Щелкнув кнопкой, я отключила фонарик и сунула тетрадь обратно в рюкзак, зная, что за дверью притаилось с десятков «людей». Я слышала, как они водили ладонями по разделявшей нас с ними жалкой деревяшке. Они не хотели выбить ее или что-то еще, нет. Они пытались открыть кладовку. Умело пытались, но я не была виновата в собственной осторожности.

Дверная ручка закрипела и принялась ходить вверх-вниз, когда я, закрыв уши и зажмурив глаза, свернулась костистым калачиком на полу. Спать не хотелось совершенно... Нечего таить, мне было дико страшно. Страшно за себя, за свое гнилое будущее, за родителей в конце концов.

Я смогла перешагнуть через себя и обокрала дом. Значит ли это, что другие могут поступить так же и решиться на... на убийство, например? Я ведь не самый плохой человек, нет, никогда мне не стать чем-то... Брр... А сейчас я – примерная дочь... Дочь...

Под симфонию шорохов мне все же удалось задремать, хотя темнота упорно отказывалась поглотить меня и дать окунуться в спасительный мир сновидений с головой.

Сон и реальность сплетались для моего не самого здорового разума в единый клубок. Разницы между этими двумя

вещами я не видела. Мне всегда думалось, что граница между ними толстая и понятная, часто бредовая, но эту ночь я провела в кошмаре и лихорадке, не понимая, что происходит.

Меня трясло и жгло изнутри, я едва могла соображать. Я не понимала, где нахожусь и почему все именно так. Озноб перемежался с дрожью в моем слабом теле.

Рыжая «девушка», «собака» с оскаленной пастью, бьющийся головой о стену «мужчина», все это галереей скомканных видеозаписей проносилось у меня перед лицом, и, когда я пыталась забыть об этом, оно приходило, возникало снова и снова, вызывая у меня истерические метания.

Завершающим этапом кошмара стал склизкий труп, который во сне я поймала руками и уронила на покрытый коричневым линолеумом пол.

Проснулась я в тот же момент, глотая воздух словно рыба, выброшенная на берег.

Было тихо, и только пот бежал по моему лбу ледяной струйкой. Я вытерла его ладонью и на четвереньках ткнулась щекой в дверь, зажмурившись и превратившись в слух в буквальном смысле.

Ничего с той стороны не было, а если и было, то не афишировало факт своего нахождения там. Может, таилось. Может, спало. Может, и ушло.

Это был просто сон... Ничего страшного. Я здесь, со мной все хорошо, руки-ноги целы... И сама я жива...

Не стоит обращать внимания на кошмары...

Но тот трупик был таким живым и натуральным...

Он был страшным.

Обхватив свои колени руками и глотая слезы, я сидела и представляла, что вокруг меня нормальная квартира, а во-все не кладовка мелкого магазина. Это совершенно не помо-гало. Это лишь позволяло мне осознать всю мерзость той си-туации, в которой я оказалась даже не по своей воле. Стало совсем тошно, и я повалилась набок, едва не сшибив на себя какое-то пластиковое ведро.

Потолка не было видно. Было темно и тихо.

Нашарив в кармане фонарик, я отыскала на нем кнопку и включила свет, направив его сначала в собственное лицо, а после – в стену, позволив себе оказаться не в крошечной тьме.

Мне бы на весы сейчас... Мне нужно узнать свой вес... Мне это жизненно необходимо... Ведь во мне всего тридцать килограммов... Тридцать... Это так мало... Это почти воз-дух...

Попытавшись отвлечь саму себя от плохих мыслей, я села, положила фонарик на пол и прижала к себе рюкзак, впервые почувствовав спокойствие от того, что нахожусь в запертой комнате. Мне было хорошо. Не больше, ни меньше. Просто хорошо, и ничто этому не могло помешать. Только дверная ручка. Но она не двигалась. Она тоже была спокойна.

Я коснулась ее, надев рюкзак себе на плечи, готовая от-

правиться дальше, окунуться в жестокий мир апокалипсиса с головой.

Ручка опустилась вниз, когда я вспомнила о замке и щелкнула им, невольно вздрогнув.

Кто же догадался размещать дверные ручки внутри кладовок? Спасибо этому человеку... Для меня он навсегда останется непризнанным гением, даже героем.

Магазин, любезно принявший меня на ночь, не был пуст, и вдоль его прилавков бродила парочка пожилых «людей», что временами наталкивались друг на друга и сдержанно, не слишком открыто что-то сипели, блестя белоснежными глазами.

Когда дверь открылась, они взглянули на меня одновременно и застыли, будто не зная, что делать. «Женщина» была низенькой и круглой, вот только вся ее округлость скаталась под кожей в какие-то странного вида складки, придав всему ее телу гротескную худобу. «Мужчина» был высоким и ходил, судя по всему, сгибаясь и опираясь о полки. У него странно дрожали колени, когда он просто стоял.

Они пробыли на одном месте недолго, и их взгляд расфокусировался, когда больные вернулись к своим обыденным хождениям. Я же поспешила на выход, не решившись задержаться в этом магазине электроники хоть еще на полчаса.

На улице было холодно. Действительно холодно, и все вокруг меня кутались в свои одежды или дрожали, столь напоминая мне нормальных, обычных людей.

Все они не люди, а «люди». Это стоит помнить. Мне не нужно лезть к ним... Они действительно опасны, как мне кажется. Так смотрят... Наблюдают. Будто понимают, что я отличаюсь от них.

Но так ли это на самом деле? Может, и нет...

Мне нужно было податься куда-то. И я подалась, не найдя ничего лучше, чем пройти до автобусной остановки, на ходу отхлебнув воды из опустевшей наполовину бутылки. Бесцветная жидкость льдом обожгла мое горло, уйдя в желудок, а я опустилась на скамью, чудом не усевшись на пятно какого-то гнилья, что растекалось по дереву багрово-серой лужицей.

Вокруг была все та же гробовая тишина. Не было ни единого лишнего звука. Не было ни лая, ни чириканья, карканья птиц, ни голосов. Были лишь шаркающие шаги и, временами, тихие стоны. Все это окружало меня, став моим новым куполом, совершенно не защитным.

Я преодолела страх и вышла из собственной квартиры, чтобы оказаться в аду, который переполнен бездушными куклами, что не могут делать ничего, но при этом ходят, едят и беснуются.

А еще, они хрустят. Или хрустят ими.

Кто их знает...

Сначала непонятное, а мгновением позже – нежеланное воспоминание резануло мне по разуму, и я сжала руки в кулаки, чувствуя внутри, под кожей, двигающиеся суставы, что

напоминали собою змей.

Там, в той квартире, кто-то хрустел. Этот кто-то вошел через дверь и хрустел.

Перед моими глазами будто прокрутилась киноплёнка из сотен кадров, и я замерла, чувствуя собственный пульс как никогда хорошо.

Они все совершенно бесшумны. Но у них великолепный слух. Быть может, они просто... не видят меня? Нет, это слишком глупо, чтобы быть правдой... Они меня не замечают, потому что я тоже больна. Они ведь шаркают. И не реагируют на мой голос, кашель...

Свет. Они видят свет и идут на него, желая достать его источник. Они интересуются тем, что отличается от их картины мира...

А еще, у них монохромное зрение.

У меня ведь оно монохромное.

Я сопоставила собственный взгляд на мир с тем, что теперь окружало и поглощало меня, и мне стало тошно окончательно. Отстраненное понимание сути вируса все же пришло в мою дурную голову, но стало столь неожиданным и нежеланным, что захотелось отказаться от него и прекратить рассуждать вовсе.

«Люди» бродили вокруг меня, с трудом переставляя свои ноги, и не прекращали смотреть, изучать все, что их окружало. Эти безжизненные глаза, подернутые белой пленкой, отражали свет, словно выкрашенные чем-то стеклянные ша-

рики.

Сил думать у меня не осталось, и я залилась тихим хихиканьем, замерев на скамье, запрокинув голову и схватившись за нее, зарывшись пальцами в собственные грязные светлые волосы, ставшие неожиданно противными и гадкими, будто черви.

Здесь на самом деле очень страшно... Мне сейчас очень нужна чья-нибудь помощь. Я не могу терпеть это... Я сдамся... Я не могу не сдаться, не могу!

– Нет! Соберись! – крик мой замер в воздухе, и десятки молчаливых тварей повернули ко мне свои головы и пошли, двигаясь словно контуженные. Они не издавали лишних звуков, только брели, а я сидела, вцепившись в свои волосы и жмуря глаза.

Будь что будет!

Не будет... Не будет, конечно же!

Я слышу... Что я слышу?..

Звук.

Радио. Невесть откуда взявшееся старое радио залило странной, дерганой музыкой всю округу, стоя на окне третьего этажа дома, что располагался напротив меня. Никого там увидеть я не успела, только окинула причудливую музыкальную коробку взглядом.

Нестройные ряды больных развернулись, совершенно забыв обо мне, после чего все «люди» направились к окну, не издавая лишних звуков. Шли они медленно, конвульсив-

но, но при этом в каждом их новом движении чувствовалось мышечное напряжение.

– Спасибо... – бросила я в воздух единственное слово, пришедшее мне в голову, и поднялась на ноги, заковыляв в совершенно новом направлении – мне нужна была прачечная. Мне нужно было место, в котором я смогла бы избавиться от всего этого. Странное желание привести себя в порядок засело в моем мозгу неожиданным образом.

Была бы у меня карта... Было бы у меня хоть что-нибудь... Кроме ножа. Он ведь лежит на дне... Точно!

Вспомнив о подобии оружия, которое лежало у меня в рюкзаке, я улыбнулась, после чего ухватила за стену и, пошатываясь, пошла дальше, двигаясь вдоль дома. Музыка доносилась до меня, и ее было нельзя заставить замолчать. Но это и не нужно было делать.

Существует ли еще радио на батарейках? Я бы хотела его послушать... Услышать что-нибудь, а не эту какофонию... Но я же сейчас это и делаю! Видимо, все же эта штука еще существует. Электричества ведь нет, но музыка-то играет!

Слабая улыбка украсила мой рот, когда вместо прачечной я вышла на улицу, вдоль которой проходила линия длинного дома с множеством разномастных магазинов. Напротив этого дома была широкая дорога, ныне лишенная машин, за которой располагался киоск, за которым разворачивался двор с детской площадкой, который не мог скрыть жилых домов,

выстроившихся за ним.

На этой улице было просторно и спокойно, все ее обитатели сбились в молчаливую кучу и шли в направлении все не желавшей утихать музыки, что влекла их невыносимо и сильно.

Расстегнув толстовку, я на ходу скинула ее на асфальт, понимая, что эта одежда исчерпала себя совершенно. Внутренней моей теплой кофте повезло – она была сухой и чистой, но это не могло продлиться долго.

Блеклое, прекрасное небо начинали застилать тучи, которые не могли нести в себе ничего, кроме воды и молний.

– Будет дождь... – для самой себя констатировала я, ощущая острую потребность в общении, и не нашла ничего лучше, чем взобраться по ступенькам наверх и попытаться открыть дверь первого попавшегося магазина. Он оказался заперт изнутри.

Внимательный взгляд с той стороны уперся мне в глаза, и на дверь навалился «человек», скаля желтоватые зубы. Это был бледный «мужчина» с белесыми глазами, он опустил одну ладонь, подергал дверную ручку, после чего вновь уперся лбом и локтями в стекло, надавливая на него всем своим весом.

Оно не выдержит!

Я отступила назад, едва не поскользнувшись на очередной ступеньке. Рюкзак неумолимо тянул мое тело вниз, в нем было больше трех килограммов вещей.

Больной смотрел на меня, и его глаза были широко раскрыты. Сосудистые темные сетки наполняли собою его белки. Тихое рычание донеслось до моего слуха, и я отступила еще дальше, чудом не упав со ступеньки. Идти задом наперед для меня было сложной задачей.

Тело «мужчины» ударилось о стекло, отошло назад, вновь ударилось, и так несколько раз подряд. Он теперь тихо рычал, но все равно продолжал свои попытки добраться до меня. В его намерениях у меня сомнений не было.

Оказавшись на асфальте, я не нашла ничего лучше, чем отбежать подальше и обернуться, чтобы убедиться в том, что из своего «заточения» больной еще не выбрался, хотя к этому он явно приблизился – по стеклу прошлась сетка крупных трещин.

Я не спасусь, если он ходя бы ходит на нормальной... слово-то какое... на нормальной скорости.

Пробежавшись до следующего магазина, который оказался магазином одежды, я толкнула от себя его дверь, но и на этот раз меня постигла неудача – это место было закрыто, пусть и не имело никакой подтверждавшей это вывески.

Сбоку же послышался треск, я не стала смотреть туда, только молча перемахнула через перила и вновь оказалась на асфальте, после чего переместилась под лестницу, по которой до этого поднималась.

«Мужчина» оказался быстрее, чем я рассчитывала, и спу-

стя несколько секунд он уже тянул ко мне руки, не догадавшись, что препятствие в виде лестницы можно облезть или на худой конец обойти.

Рюкзак оказался на моих коленях, я вытащила из него нож и направила его на больного, что все еще пытался проломить своим телом несчастную лестницу.

Надо просто ударить ему по рукам. Он уже не живой, он не почувствует... Иначе он убьет меня! Нет... Я не могу, это же человек...

Это же человек!

Меня всю пробил дрожь, нож я вновь сунула в рюкзак, положив его поверх еды и одежды так, чтобы его можно было вытащить за рукоять в любой момент.

– Что тебе от меня нужно?.. – уловив движение противника влево, он все же догадался о том, что можно поступить по-другому, я кинулась в противоположную сторону, вылетев из-под лестницы на четвереньках, волоча за собой рюкзак.

Ледяной ветер ударил мне в лицо, когда я обернулась и увидела, что за мной на руках и ногах ползет больной, вырывая из земли клочья травы, что росла под лестницей островком жухлой зелени.

– Уйди от меня! – подняться на ноги мне удалось быстро, еще быстрее я метнулась по улице, на ходу закинув рюкзак себе на спину, едва не упав на землю от его веса, навалившегося на меня в один момент.

«Мужчина» уже поднимался на ноги, когда я добралась

до очередного магазина, потянув его дверь на себя. Она поддалась, и я ввалилась внутрь помещения, переполненного зотоварами, уронив несколько коробок.

Трупы птиц и грызуны в клетках, всплывшие животами вверх рыбы с белесыми глазами... Все это окружало меня сейчас. Я с трудом прорвалась через очередное заграждение коробок, когда увидела дверь подсобки, что была открыта и обладала спасительной дверной ручкой с внутренней стороны.

Замок щелкнул, а я повалилась на пол, вспомнив о том, что в толстовке было несколько блистеров таблеток.

Мне бы сейчас онигодились... А фонарик? Фонарик я где оставила? Только не говорите мне, что там...

Хоть в чем-то мне повезло, и фонарик оказался в рюкзаке. Я нажала на кнопку его включения, осветив все, что находилось вокруг.

Это место оказалось не столь подсобным помещением, сколь обычной уборной, в которой все было покрыто белыми и голубыми плитками. Кран был открыт, и струйка воды текла из него. Она была холодной.

Избавив комнату и от этого звука, я услышала с другой стороны двери сдержанное дыхание и погасила фонарик, привычно превратившись в слух.

Зашелестело.

Щупает... Пытается найти меня. Но у них всех такая плохая память... Он должен забыть обо мне... Но стоп, я

сама себя заперла в одном магазине с этим... Монстром, больным... И теперь мне не выйти отсюда...

Больной меж тем отыскал дверную ручку и принялся вертеть ее с характерным скрежетом и даже хрустом. Стоны доносились с той стороны, и я слушала их, не имея никакого выбора. Единственным, что я смогла сделать, было то, что я закрыла свои уши ладонями.

Ручка вертелась долго, свериться мне было не с чем, но по моим личным наблюдениям прошло около часа. Временами больной прекращал ее вертеть и замирал на той стороне, а временами принимался даже долбить по двери, но чувствовалось, что его внимание постепенно угасает.

Наконец, шаркающие шаги его начали удаляться, и я даже коснулась разделявшей нас с ним деревяшки, затаив дыхание. Но все же выходить сейчас было опасно. Мой противник мог оказаться не самым глупым из больных.

Тихое сипение смешалось со звуком падения чего-то металлического, а после сменилось хрустом. Вновь закрыв уши ладонями, я прижалась спиной к двери, держа рюкзак у себя на коленях. Мне вновь стало страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.